

DOI: 10.31857/S0130386424040145

© 2024 г. П.А. ДАЦЕНКО

**К ВОПРОСУ О РОЛИ РОССИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В УРЕГУЛИРОВАНИИ
ГЕРМАНСКОГО КРИЗИСА 1850 года. Переписка П.К. Мейендорфа с МИД
об Ольмюцком соглашении 29 ноября 1850 года**

Даценко Павел Александрович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: dachenko3322@mail.ru

Scopus Author ID: 57219486864; ORCID: 0000-0002-0191-5208; Researcher ID: AAO-6260-2021

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение № 075-15-2024-537).

Аннотация. В германском кризисе 1850 г. российская дипломатия сыграла важную стабилизирующую роль. В частности, российский посланник в Вене барон П.К. Мейендорф внес заметный вклад в урегулирование австро-прусского конфликта, грозившего обернуться крупной европейской войной. В публикуемых донесениях П.К. Мейендорфа и ответных депешах российского канцлера К.В. Нессельроде, хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ), излагаются ход, результаты и оценка переговоров, проведенных в Ольмюце главами министерств иностранных дел Пруссии и Австрии 28–29 ноября 1850 г. П.К. Мейендорф, сопровождавший австрийского министра Ф. цу Шварценберга в поездке, передавал в Петербург ценные сведения, стремясь представить в положительном ключе позицию не только Вены, но и Берлина, чтобы развеять опасения Николая I относительно намерений Пруссии. При этом роль и вклад Мейендорфа в заключение этого соглашения до сих пор остаются предметом споров среди зарубежных историков, часть которых считает присутствие Мейендорфа несущественным фактором для исхода переговоров. Не претендуя на вынесение однозначного решения по этому вопросу, статья призвана ввести в научный оборот новые источники, позволяющие уточнить детали встречи министров, на полтора десятилетия отсрочившей военный конфликт между Австрией и Пруссией за лидерство в Германии.

Ключевые слова: дипломатия, германский вопрос, Австрия, Пруссия, Россия, дипломаты, архивные документы, публикации, П.К. Мейендорф, Ф. цу Шварценберг, О. фон Мантейфель, австро-прусский дуализм.

P.A. Datsenko

On the Role of Russian Diplomacy in Resolving the Autumn Crisis of 1850: Diplomatic Correspondence between Peter von Meyendorff and the Ministry of Foreign Affairs on the Punctuation of Olmütz, 29 November 1850

Pavel Datsenko, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: dachenko3322@mail.ru

Scopus Author ID: 57219486864; ORCID: 0000-0002-0191-5208; Researcher ID: AAO-6260-2021

This study has been supported by a Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation grant (Agreement № 075-15-2024-537).

Abstract. During the Autumn Crisis of 1850, Russian diplomacy played a significant stabilising role. In particular, the Russian envoy to Vienna, Baron Peter von Meyendorff, made a considerable contribution to the peaceful resolution of the Austro-Prussian conflict, which threatened to escalate into a pan-European war. The author analyses Meyendorff's political correspondence with Chancellor Nesselrode from the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, a translation of which is appended. These papers outline the course, results, and evaluation of the negotiations held at Olmütz between the heads of the Prussian and Austrian foreign ministries on 28–29 November 1850. Meyendorff, who accompanied Austrian Minister Schwarzenberg on this trip, sent important and valuable information to St. Petersburg in an attempt to present both Vienna's and Berlin's position in a positive light in order to dispel Nicholas I's mistrust of Prussian intentions. At the same time, Meyendorff's role and contribution to the conclusion of this agreement are still a matter of debate among historians, with some of them considering Meyendorff's mediation to be only a minor factor in the positive outcome of the negotiations. Far from claiming to bring complete clarity to this issue, this article is meant to put into the academic circuit new archival sources on this crucial event, which determined the further course of the German question and postponed Austria-Prussia's armed confrontation for leadership in Germany for a decade and a half.

Keywords: diplomacy, German question, Austria, Prussia, Russian Empire, Peter von Meyendorff, Felix zu Schwarzenberg, Otto von Manteuffel, Austro-Prussian dualism.

Переговоры и соглашение, подписанное 29 ноября 1850 г. в моравском городе Ольмюце (современный Оломоуц) австрийским министром-президентом Ф. цу Шварценбергом и прусским министром иностранных дел О.Т. фон Мантейфелем, несмотря на значительный объем посвященных им исследований, не утрачивают своей актуальности. Это касается как современной историографии германского вопроса в целом, так и изучения деятельности российской дипломатии как сдерживающего фактора в австро-прусском соперничестве, которое в 1850 г. едва не привело к войне в Германии и к разрушению системы баланса сил в Европе. По мере ввода в научный оборот новых свидетельств и архивных источников, прежние интерпретации и мнения об аспектах переговоров и их участниках начинают рассматриваться с новых ракурсов, вновь поднимая ряд дискуссионных проблем. Помимо классического вопроса, кто из двух германских лидеров получил от этого соглашения наибольшую выгоду, и споров, обоснована ли версия об «унижении» Пруссии¹, среди исследователей нет единого мнения и в том, чьими усилиями переговоры, едва не провалившиеся в первый же день, на следующий день все же были успешно завершены.

Основным спорным моментом является роль третьего участника переговоров — российского посланника в Вене барона Петра Казимировича Мейендорфа, который сопровождал Ф. цу Шварценберга в поездке в Ольмюц и лично присутствовал при заключении соглашения. Долгое время немецкоязычная историография отмечала его вклад как решающий². Однако в конце 1950-х годов немецкий историк И. Хоффман указал на ряд обстоятельств, которые, по его мнению, не позволяют считать вклад Мейендорфа сколько-нибудь весомым³.

Прежде всего он отметил отсутствие в тот период телеграфной связи с Россией, из-за чего информацию в Санкт-Петербурге получали с серьезным опозданием: о самом факте встречи в Ольмюце в российской столице узнали лишь спустя несколько дней. По этой причине МИД физически не мог оперативно снабдить Мейендорфа необходимыми инструкциями,

¹ Из новых публикаций по этой теме см.: *Frischbier W.* “Die Schmach von Olmütz” — Mythos und Wirklichkeit // *Forschungen zur Brandenburgischen und Preussischen Geschichte*. Bd. 25. Neue Folge. 2015. S. 53–81.

² См.: *Andreas W.* Die russische Diplomatie und die Politik Friedrich Wilhelms IV. von Preussen. Berlin, 1927. S. 63–64.

³ *Hoffmann J.* Russland und die Olmützer Punktation vom 29. November 1850 // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 1959. Bd. 7. S. 59–71.

и, следовательно, «ни в коей мере нельзя говорить о прямом вмешательстве российского правительства в ольмюцкие переговоры»⁴.

Также Хоффман полагал, что сам Мейендорф не считал свое вмешательство в процесс переговоров необходимым. Полностью поддерживая в главных вопросах — урегулировании кризисов в Кургессене и Шлезвиг-Гольштейне — позицию Австрии, Мейендорф даже не был заинтересован в компромиссах, и смысл его присутствия сводился к психологическому давлению на Мантейфеля, чтобы тот не прерывал переговоры и подтвердил признание Пруссией прерогативы Австрии и ее союзников в Гессене⁵.

Исходя из этого, Хоффман пришел к выводу, что заслуг Мейендорфа в успешном завершении переговоров нет, и предложил считать решающим вклад австрийского посланника в Берлине генерала А. фон Прокеш-Остена. Последний в донесениях, полученных Шварценбергом уже в Ольмюце, гарантировал поддержку мирного курса Мантейфеля правящими кругами в Берлине, что, по мнению Хоффмана, и убедило австрийского министра на следующем раунде переговоров проявить ошеломившую всех присутствовавших уступчивость⁶.

Выводы Хоффмана оказали заметное влияние на последующую историографию и неоднократно приводились в работах, посвященных германскому вопросу 1849–1851 гг.⁷ и политической биографии Шварценберга⁸. На сегодняшний день эта версия, хотя и подвергается в ряде своих положений критике в российских⁹ и немецких¹⁰ исследованиях, не считается опровергнутой¹¹.

При существовании столь разных оценок роли Мейендорфа представляется тем более целесообразным обратиться к его политическим донесениям, хранящимся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ), тем более что до сих пор в зарубежной

⁴ Ibid. S. 65.

⁵ Ibid. S. 66–67.

⁶ Ibid. S. 69–70.

⁷ Американский историк Л. Сондхаус отметил важность этой версии для ключевой проблемы, поднятой ревизионистским (Г. Румплер, Р.А. Остенсен и др.) направлением в западной и австрийской историографии: считать ли исход кризиса победой Шварценберга, способствовавшего восстановлению Германского союза и партнерства с Пруссией в традиции Меттерниха, или же он потерпел поражение, не сумев обеспечить создание в Центральной Европе конфедерации под единоличным управлением Габсбургов? См.: *Sondhaus L. Schwarzenberg, Austria and the German question, 1848–1851 // The International History Review. 1991. Vol. 13. № 1. P. 8–9.*

⁸ Ш. Липперт в монографии о Шварценберге опирался на версию Хоффмана, отметив, что «отсутствием непосредственного влияния российского правительства вопрос о роли Мейендорфа в Ольмюце еще не исчерпывается». См.: *Lippert S. Felix Fürst zu Schwarzenberg. Wien, 1996. S. 340–341.*

⁹ М.Г. Михеев в противовес аргументам Хоффмана приводит многочисленные сохранившиеся свидетельства российских и европейских монархов, политиков и дипломатов, которые почти единогласно выражали благодарность Мейендорфу за его вклад в предотвращение срыва переговоров. Также он приводит слова адъютанта прусского короля Леопольда фон Герлаха, предлагавшего провести планируемую встречу не в Ольмюце, а в Вене, чтобы наверняка обеспечить присутствие на ней российского дипломата. См.: *Михеев М.Г. Германская политика Австрии летом — осенью 1850 года и позиция России // Клио. 2022. № 11 (191). С. 52–53.*

¹⁰ С выводами Хоффмана полемизирует, например, В. Фришбир, считая аргумент об отсутствии инструкций из Петербурга преувеличенным. Он отмечает, что Мейендорф был «одним из лучших в дипломатической упряжи Николая I», указывает на высокий уровень доверия к нему со стороны императора и, соответственно, на значительную свободу в действиях и степень самостоятельности, которые дипломат такого уровня мог себе позволить. Мнение же Хоффмана о бессмысленности присутствия Мейендорфа на переговорах Фришбир оспаривает, просто указав, что его присутствие «не могло иметь иной цели, кроме посреднического участия в переговорах» (*Frischbier W. Op. cit. S. 75–78*).

¹¹ Современные немецкие исследования оценивают публикацию Хоффмана как частично верную в том, что Ольмюцкое соглашение не было полностью результатом прямого дипломатического вмешательства Мейендорфа, но явно преуменьшающую общее влияние России на тактику Шварценберга. См.: *Luchterhandt M. Österreich-Ungarn und die preußische Unionspolitik // Die Erfurter Union und das Erfurter Unionsparlament 1850 / Hrsg. von G. Mai. Köln, 2000. S. 104–105; Schulz M. Normen und Praxis. Das Europäische Konzert der Großmächte als Sicherheitsrat 1815–1860. München, 2009. S. 240–241.*

историографии материалы российских архивов по этой теме не использовались¹², а сюжеты, связанные с российской дипломатией 1848—1850 гг., рассматривались с опорой на ограниченный круг опубликованных источников.

В случае Мейендорфа таких источников фигурировало преимущественно два: во-первых, трехтомный сборник личной корреспонденции Мейендорфа, опубликованный в 1923 г. О. Гётчем, в котором содержатся письма посланника, адресованные канцлеру К.В. Нессельроде непосредственно из Ольмюца 17 (29) ноября 1850 г.,¹³ и, во-вторых, издание документов и писем Нессельроде, в котором Ольмюцкому соглашению посвящено ответное письмо канцлера Мейендорфу от 29 ноября (11 декабря) 1850 г.¹⁴

Эти и другие опубликованные материалы (например, краткое изложение хода переговоров в Ольмюце в труде Ф.Ф. Мартенса¹⁵) в целом позволяли зарубежным историкам реконструировать общую картину развития событий, но при этом ими не учитывались многие детали или свидетельства других дипломатов и политиков, присутствовавших в Ольмюце, и допускались некорректные выводы, которые оказываются сразу заметны при обращении к архивным документам.

К примеру, на основании даты ответного письма Нессельроде Мейендорфу, а также письма прусского военного атташе в Петербурге графа Х. цу Мюнстера от 8 декабря (н.ст.), в котором отмечается, насколько Николай I раздражен политикой Пруссии, Хоффман пришел к выводу, что в России «целых девять дней» не имели ни малейшего представления о самом факте встречи и именно поэтому продолжали готовиться к военному вмешательству в австро-пруссский конфликт, хотя он уже был давно улажен¹⁶. Однако в депешах Мейендорфа указано, что донесения вместе с письмом к Нессельроде и текстом самого соглашения были получены в Санкт-Петербурге уже 4 декабря (н.ст.)¹⁷. Осведомленность Николая об этом донесении в тот же день подтверждается записью в дневнике императрицы Александры Федоровны за 22 ноября (4 декабря): «Утром — хорошие новости из Ольмюца»¹⁸. Таким образом, указанный Хоффманом срок в «целых девять дней» в действительности был почти вдвое меньше, и не из-за неосведомленности Николай I сохранял в силе прежние военные приготовления в течение еще нескольких дней.

Основным документом, присланным Мейендорфом из Ольмюца, была его депеша под № 185, в которой и содержится описание предпосылок, хода и результатов переговоров. Следует отметить, что эта депеша уже становилась предметом внимания отечественных историков. Еще в труде Ф.Ф. Мартенса присутствует не прямое, но практически дословное цитирование ее отдельных фрагментов¹⁹. Но при этом не указан точный источник текста, а также опущены другие важные фрагменты депеши, например о получении Шварценбергом и Мейендорфом в ночь с 28 на 29 ноября важных донесений и писем из Берлина и Парижа.

В советской историографии к этому и другим официальным документам Мейендорфа обращалась С.А. Долгопольская-Кершнер в диссертации о роли российской дипломатии в германском кризисе 1849—1850 гг. Опираясь на дипломатическую переписку российских миссий в Вене и Берлине, она также реконструировала ход встречи в Ольмюце по версии Мейендорфа и пришла к выводу, что российский дипломат играл важную роль

¹² Следствием этого, в частности, стало приводимое в зарубежных трудах утверждение об отсутствии вообще каких-либо официальных отчетов о переговорах в Ольмюце. См.: *Frischbier W.* Op. cit. S. 69.

¹³ Эти письма, впрочем, не могут служить источником непосредственно о ходе переговоров уже в силу того, что одно из них было составлено еще 15 (27) ноября, а второе, судя по содержанию, было написано не позднее прибытия в Ольмюц. См.: *Peter von Meyendorff. Ein russischer Diplomat an den Höfen von Berlin und Wien / Hrsg. von O. Hoetzsch. Bd. II. Berlin; Leipzig, 1923. S. 345–348.*

¹⁴ *Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode. 1760–1856. T. 10. Paris, 1904. P. 16–18.*

¹⁵ *Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. VIII. Трактаты с Германией. СПб., 1888. С. 386–387.*

¹⁶ *Hoffmann J.* Op. cit. S. 64.

¹⁷ См. документ № 4. В опубликованных источниках дата получения депеш не указана.

¹⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 672. Оп. 1. Д. 240. Л. 91 об.

¹⁹ *Мартенс Ф.Ф. Указ. соч. С. 386–387.*

в предотвращении срыва переговоров, но «не с той объективной беспристрастностью, о которой пишет сам Мейендорф, а оказывая давление на Мантейфеля в пользу Австрии»²⁰. Однако и здесь обширные выдержки из депеши Мейендорфа²¹ приводились лишь фрагментарно и не везде содержали корректный перевод.

Вместе с тем эти авторы обращались лишь к одному донесению Мейендорфа, в то время как дипломатический пакет, отправленный из Ольмюца, содержал, помимо этой депеши, еще ряд важных документов, которые также существенно дополняют общий контекст переговоров. Прежде всего, к донесению Мейендорфа прилагалась копия текста Ольмюцкого соглашения (со следами редактуры, которая, возможно, проводилась прямо на переговорах), а также оригинал на немецком и копия на французском письма Л. фон Герлаха П.К. Мейендорфу от 25 ноября (н.ст.), которое не было включено в сборник Гётча²² и не рассматривалось Хоффманом, хотя его пересказ есть в труде Мартенса²³.

Содержание этого письма, составленного еще до назначения встречи в Ольмюце, интересно тем, что оно является пересказом позиции и предложений Фридриха Вильгельма IV, которые были сформулированы 25–26 ноября и легли в основу инструкций Мантейфелю, а также были изложены королем в его личном письме Францу Иосифу, привезенном прусским министром в Ольмюц²⁴: король предлагал Австрии совместно (т.е. без участия бундестага) урегулировать кургессенский кризис и отмечал, что Пруссия уже предприняла для этого фактические шаги, отправив своих агентов в Кургессен добиваться возвращения ландтага к повиновению курфюрсту и согласия последнего вернуться во главе своей армии в Кассель. При этом присутствие прусских войск в Гессене было трактовано в письме как стремление сохранить правительство Мантейфеля у власти, поскольку в случае вывода войск король будет вынужден под давлением воинственных настроений в обществе и ландтаге назначить новый, более радикальный кабинет²⁵. Информировав Мейендорфа об этих деталях, Герлах призывал его употребить все свое влияние на Шварценберга и убедить его в самых мирных намерениях короля, несмотря на тяжелое внутреннее положение последнего. Тем самым это письмо было адресовано Мейендорфу как союзнику «партии мира» в Берлине и имело целью улучшить при помощи российского дипломата позицию Мантейфеля на переговорах.

Еще одно обстоятельство, которое не могло не учитываться на переговорах и было отмечено в депеше Мейендорфа — это большая вероятность вмешательства в конфликт Франции. Перед отъездом в Ольмюц Мейендорф отправил Нессельроде выдержки из полученного им из Парижа письма (без подписи), датированного 20 ноября (н.ст.), в котором особо подчеркивалась неясность позиции, которую займет Франция в случае начала войны²⁶. В депеше Мейендорф упоминает, что накануне второго дня переговоров были получены известия не только из Берлина, но и из Парижа, в которых говорилось о высокой вероятности вовлечения Франции в войну.

Наконец, следующая депеша Мейендорфа под № 187, также посвященная Ольмюцу, была отправлена 3 декабря (21 ноября) 1850 г., уже по возвращении посла в Вену. Причиной почти четырехдневной паузы в информировании МИД о развитии событий, вероятно, было ожидание новостей, как Ольмюцкое соглашение будет воспринято в Берлине и какую позицию займет прусский ландтаг. Получив сообщение о ратификации прусским королем

²⁰ Долгопольская-Кершнер С.А. Австро-прусская борьба за гегемонию в Германии в 1848–1850 гг. и позиция русского царизма: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1956. С. 376.

²¹ Там же. С. 375–377, 381.

²² В сборнике приведено второе сопроводительное письмо Герлаха, датированное 26 ноября (н.ст.). См.: Peter von Meyendorff. Bd. II. S. 343–344.

²³ Мартенс Ф.Ф. Указ. соч. С. 387.

²⁴ Frischbier W. Op. cit. S. 70–71.

²⁵ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 133. Канцелярия МИД. Оп. 469. 1850. Д. 136. Л. 421–422.

²⁶ Там же. Л. 405–406 об.

всех пунктов соглашения, Мейендорф отправил эту депешу, в которой уделил внимание не только всеобщему успокоению в венских кругах, но и все еще имевшему место беспокойству Шварценберга, выполнит ли Пруссия условия по разоружению. Это опасение, которое сохранялось даже после ратификации соглашения, вероятно, разделяли и в МИД, в силу чего не спешили резко смягчать свою позицию по Пруссии.

В то же время однозначного ответа на то, каковы были мотивы смены Шварценбергом своей позиции, архивные донесения Мейендорфа не дают. Дипломат акцентирует внимание в депеше на своем удивлении резкой сменой тона австрийского министра, объясняя ее главным образом влиянием примирительной позиции молодого императора Франца Иосифа. Хотя это объяснение выглядит недостаточно убедительным (в 1850 г. лишь недавно вступивший на престол Франц Иосиф сам находился под огромным влиянием Шварценберга²⁷), оно может рассматриваться и как желание Мейендорфа дистанцироваться от признания своего вмешательства. На это он намекал в письмах после Ольмюца²⁸, хотя ни Нессельроде, ни другие дипломаты не были склонны в это верить²⁹. В более же поздних письмах Мейендорф охотнее соглашался с мнением, что его усилия внесли определенный вклад в предотвращение войны³⁰.

Некоторые исследователи обращают внимание еще на один эпизод, который по какой-то причине был проигнорирован самим Мейендорфом в его донесении, но упомянут в дневнике Г. фон Абекена, сопровождавшего О. фон Мантейфеля в качестве адъютанта и секретаря³¹. После ночного перерыва и работы над новой редакцией проекта соглашения Мантейфель ранним утром 29 ноября (н.ст.) перед возобновлением переговоров нанес визит Мейендорфу. Цель и детали этой встречи не раскрыты Абекем, но именно после этого визита Мантейфель, доработав проект, направился к Шварценбергу, который принял этот проект без всяких возражений. Однозначно судить о том, обсуждали ли Мантейфель с Мейендорфом формулировки пунктов во время их короткой встречи, нельзя в силу отсутствия более подробных свидетельств. Но то обстоятельство, что Мантейфель встретился сперва с Мейендорфом, а уже потом направился к Шварценбергу, не может быть проигнорировано как еще одно косвенное указание на важность присутствия российского посланника для прусской стороны.

Отсутствие упоминания об этом визите у Мейендорфа при этом может иметь разное объяснение: от незначительности предмета разговора (что, впрочем, вызывает вопрос о самой цели этого визита в напряженной обстановке) до возможного желания Мейендорфа поддержать репутацию Мантейфеля в Пруссии, передав ему одну заслугу в выработке успешно принятой второй редакции соглашения.

Таким образом, на сегодняшний день вопрос о степени активности Мейендорфа в Ольмюце по-прежнему остается открытым. Рассматриваемые здесь архивные документы призваны, во-первых, обогатить картину двух напряженных дней, в которые длились переговоры в Ольмюце, новыми сведениями со стороны непосредственного участника событий и, во-вторых, внести определенные уточнения в аргументы как сторонников, так

²⁷ Lippert S. Op. cit. S. 339–340.

²⁸ Так, в письме А.М. Горчакову в середине декабря 1850 г. Мейендорф подчеркнул нейтральный мотив своего присутствия в Ольмюце «в качестве если не участника, то по меньшей мере посвященного наблюдателя, пользовавшегося доверием обеих сторон». См.: П.К. Мейендорф – А.М. Горчакову, 3 (15) декабря 1850 г. // ГАРФ. Ф. 828. Оп. 1. Д. 572. Л. 18.

²⁹ Например, И.Ф. Паскевич выражал уверенность, что лишь в силу скромности Мейендорф не отметил свою роль в прошедших переговорах, но что «она очевидна для всех Ваших друзей, и Вы знаете, господин барон, что я уже долгое время себя к ним причисляю». См: И.Ф. Паскевич – П.К. Мейендорфу, 19 ноября (1 декабря) 1850 г. // Там же. Ф. 573. Оп. 1. Д. 704. Л. 33 об. – 34.

³⁰ Михеев М.Г. Указ. соч. С. 53.

³¹ Frischbier W. Op. cit. S. 69. Примечательно, что этот фрагмент был опубликован лишь начиная с третьего издания дневника Абекена, в первых двух он отсутствует.

и противников мнения о высокой роли российского дипломата в урегулировании одного из тяжелейших кризисов в германском вопросе в XIX в.

Документ № 1

**П.К. МЕЙЕНДОРФ – К.В. НЕССЕЛЬРОДЕ (депеша) № 185. Ольмюц,
17 (29) ноября 1850 г.³²**

Господин канцлер,

Настоящая экспедиция³³ была подготовлена и должна была быть отправлена в момент получения в Вене решительного ответа берлинского кабинета об устранении или сохранении препятствий, мешавших маршу федеральных войск в Гессене, когда князь Шварценберг решил согласиться на встречу, несколько раз предложенную господином Мантейфелем, сообщившим ему, что, учитывая недавние события в Гессене³⁴ и питая надежду на мирное соглашение в этом государстве, он придавал этой встрече особое значение.

Получив приказ императора, князь Шварценберг согласился не без неудовольствия, поскольку он не видел, как при нынешнем положении дел в Берлине возможно соглашение. Однако, уступая в большей степени воле своего государя, чем своим личным убеждениям, он не захотел отказываться от этого последнего средства сохранения мира и предложил мне сопровождать его в Ольмюц.

Я с радостью согласился, добавив, что только из деликатности я не взял на себя смелость самому сделать это предложение.

Выехав из Вены вечером 15/27 числа, мы прибыли сюда 16/28 рано утром в дом кардинала-архиепископа Ольмюца. Господин фон Мантейфель по недоразумению прибыл только через двенадцать часов после нас. Это время мы провели за чтением депеш из Берлина от 25 ноября, которые представляли положение как безнадежное³⁵ — господин Мантейфель мучительно боролся с воинственными тенденциями большинства в кабинете, в армии, в ландтаге и в общественном мнении, имея в качестве поддержки лишь ненадежное одобрение короля. Этот министр вручил мне прилагаемое в переводе и в оригинале письмо, которое генерал Герлах адресовал мне от имени короля. В нем сказано, что прусское правительство работает над прекращением ненасильственного сопротивления в Гессене и готово высказаться за восстановление законной власти суверена, — однако это письмо не дает предстоящим здесь переговорам никакой основы, кроме проекта³⁶, успех которого в конце концов является гипотетическим и не имеет ничего общего с решающими последними событиями, обозначенными в депеше господина Мантейфеля.

Несмотря на это разочарование, князь Шварценберг, которому я представил этого министра, принял его очень учтиво.

Чтобы устранить недоверие, которое все еще лежало в основе всех убеждений князя Шварценберга против даже самых здравомыслящих прусских министров, я счел необходимым

³² Здесь и на следующей депеше отметка о доставке в МИД 22 ноября (4 декабря) 1850 г. фельд-герером из Варшавы.

³³ Вместе с пакетом из Ольмюца Мейендорф отправил еще пять донесений (под № 180–184), составленных еще 15 (27) ноября, в которых Мейендорф сообщал об отказе герцога Брауншвейга пропустить посланные бундстагом войска в Гольштейн, о позиции Франции и о составе австрийской армии в Богемии.

³⁴ Имеется в виду телеграмма О. фон Мантейфеля прусскому посланнику в Вене А. фон Бернstorфу от 26 ноября 1850 г., в которой намекалось на отправку в Кургессен прусских представителей М. Нибура и Р. фон Дельбрюка с целью организовать примирение между курфюрстом и оппозиционным ландтагом. См.: *Gerlach L. von. Denkwürdigkeiten aus dem Leben Leopold von Gerlachs, Generals der Infanterie und General-Adjutanten König Friedrich Wilhelms IV. Bd. I. Berlin, 1891. S. 561.*

³⁵ Точно неизвестно, о каких депешах идет речь, однако скепсис в отношении возможного соглашения можно увидеть в письме Прокеш-Остена от 26 ноября. См.: *Aus den Briefen des Grafen Prokesch von Osten. Wien, 1896. S. 186.*

³⁶ Здесь и далее — подчеркнуто в оригинале

не участвовать в первых переговорах в надежде, что, когда они лучше узнают друг друга, между ними установится полное и взаимное доверие.

После трехчасового совещания я вошел к князю Шварценбергу — главным образом для того, чтобы помешать господину Мантейфелю отбыть в ту же ночь, как он намеревался. Я нашел, что они оба хорошо расположены друг к другу, но так и не добились прогресса в соглашении — князь Шварценберг требовал вывода прусских войск из Касселя в качестве условия для соглашения, а господин Мантейфель упорно повторял, что он может согласиться на это лишь как на результат соглашения.

Поскольку главным было сэкономить время и отложить на следующий день начавшиеся переговоры, я взял на себя смелость изложить новые основы соглашения, которые сформулировал следующим образом:

1) Пруссия публично признает в соответствии со своей депешей от 9 ноября³⁷ право Австрии и ее союзников на интервенцию в Гессен и Гольштейн;

2) Пруссия заявляет, что, послав свои войска в Гессен, она не желала препятствовать союзной экзекуции по восстановлению власти суверена, а напротив, желает сотрудничать с той же целью;

3) Пруссия будет представлена в сейме ad hoc по двум вопросам: о Гессене и Гольштейне, не отказываясь при этом от протестов против законности сейма в целом.

Этот последний пункт не показался приемлемым ни одной, ни другой стороне, но обсуждение велось по первым двум пунктам. Договориться не удалось, но так как была поздняя ночь и все устали, то было решено отложить переговоры до следующего дня.

Утро вечера мудренее, и ночью пришли хорошие новости из Берлина. Господин Прокеш просил только времени, чтобы добиться триумфа партии мира. С другой стороны, из Парижа пришло известие, что господин де Ла Итт не имеет никакой надежды защитить свою политику от курса господина де Персиньи, если разразится война³⁸.

Утром господин Мантейфель принес принцу Шварценбергу четыре статьи прилагаемой конвенции. К моему большому удивлению³⁹, они были приняты почти без изменений и после обсуждения, продолжавшегося не более двух часов. Со своей стороны господин Мантейфель подписал секретную статью об одновременном разоружении, хотя он знал, что этот пункт, которого придерживались также король и большинство кабинета, мог привести к его отставке и, следовательно, к войне.

Мы приложили все усилия, чтобы продемонстрировать ему абсурдность желания оставаться вооруженным до пересмотра Союзного акта. Благодаря уступкам, полученным сегодня от Австрии, Пруссия оказывается в равном с ней положении в Германии, паритет есть как в Гессене, так и в Гольштейне, а также — при созыве конференции, которая состоится в Дрездене. Все эти пункты я подчеркиваю в своем ответе генералу Герлаху и прошу строгого выполнения того, что здесь оговорено⁴⁰.

Этот результат связан с благоразумием взглядов молодого императора, воля которого привела к этой встрече; он связан и с примирительными намерениями, принесенными сюда князем Шварценбергом, и с мужеством, с которым господин Мантейфель взял на

³⁷ Эта депеша была отправлена в Вену как реакция на инцидент 8 ноября между прусскими и баварскими войсками у Бронцеля. В ней Мантейфель подтверждал готовность Пруссии к выполнению Варшавского соглашения от 31 октября (ропуск Эрфуртского союза, признание бундестага, предоставление военных дорог для интервенции в Кургессен и Гольштейн и т.д.). Копию депешы см.: АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия МИД. Оп. 469. 1850. Д. 15. Л. 27—35 об.

³⁸ Ж.Э. Дюко де Ла Итт, министр иностранных дел Второй республики, представлял партию невмешательства, в то время как В. де Персиньи (на тот момент — депутат Законодательного собрания) активно выступал за участие Франции в войне.

³⁹ У Мартенса — «к великому удивлению и удовольствию».

⁴⁰ Это письмо Мейендорфа не опубликовано, но его содержание Герлах упоминает в своих воспоминаниях. См.: *Gerlach L. von.* Op. cit. S. 565.

себя обязательства, выполнение которых еще приведет к новой борьбе и многим осложнениям, но все они незначительны по сравнению с бедствиями войны.

АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия МИД. Оп. 469. 1850. Д. 136. Л. 414–417 об.

Документ № 2

**П.К. МЕЙЕНДОРФ – К.В. НЕССЕЛЬРОДЕ (депеша) № 186 Ольмюц,
17 (29) ноября 1850 г.**

Господин канцлер,

Встреча, состоявшаяся здесь между князем Шварценбергом и господином Мантейфелем, привела к соглашению по основным вопросам, обсуждаемым между двумя кабинетами, сформулированному в прилагаемой конвенции⁴¹.

В Гессене, как и в Гольштейне, допускается сотрудничество Пруссии для восстановления власти законного суверена.

Конференция министров, созванная двумя державами, откроется в Дрездене до 15 декабря⁴².

В секретной статье говорится, что эта конференция состоится только после того, как обе страны опубликуют сообщение о разоружении.

АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия МИД. Оп. 469. 1850. Д. 136. Л. 424–424 об.

Документ № 3

**П.К. МЕЙЕНДОРФ – К.В. НЕССЕЛЬРОДЕ (депеша) № 187. Вена,
21 ноября (3 декабря) 1850 г.**⁴³

Господин канцлер,

Результат переговоров в Ольмюце вызвал здесь всеобщее чувство удовлетворения. Оно еще более укрепилось полученным вчера по телеграфу из Берлина известием, что прусский кабинет ратифицировал согласованные пункты и что этот факт был с удовлетворением встречен благоразумной частью общественного мнения. Сегодня курьер от генерала Прокеша подтвердил сообщение о приказе, отданном прусским войскам, сосредоточенным в Гессене.

Всякая возможность конфликта, таким образом, была исключена, и князь Шварценберг распорядился передать по телеграфу федеральным войскам, предназначенным для занятия курфюршества, приказ выдвигаться без промедления. Эта мера была, с одной стороны, необходима для обеспечения существования федеральных войск⁴⁴, с другой стороны, она имела целью стимулировать Пруссию к безотлагательному выполнению взятых на себя обязательств и побуждению самого курфюрста вернуться с его войсками в Кассель, а затем урегулировать в соответствии с договоренностью одновременную оккупацию этого города австрийскими и прусскими войсками.

Можно предположить, что благодаря вмешательству федерального комиссара графа Рехберга и прусского комиссара генерала Брезе все эти меры в Гессене уже проводятся и что, таким образом, часть ольмюцких положений уже возымела эффект. Однако для того, чтобы они имели полный и безусловный результат и чтобы возможность войны стала совершенно маловероятной, необходимо, чтобы секретная статья о разоружении была введена в действие без промедления. Поскольку Пруссия обязалась первой озвучить предложения по этому вопросу, князь Шварценберг с большим нетерпением ожидает сообщений по этому

⁴¹ К донесению приложена копия Ольмюцкого соглашения (Л. 425–427 об.), в которой текст содержит следы ручной редактур. В частности, в § 3b вписано, что Австрия и Пруссия отправят комиссаров в Гольштейн «после предварительных консультаций со своими союзниками».

⁴² Дрезденская конференция открылась 23 декабря 1850 г.

⁴³ Получено в Санкт-Петербурге 27 ноября (10 декабря) 1850 г. фельдьегерем из Варшавы.

⁴⁴ Длительная пауза в движении приводила к трудностям со снабжением армии и росту недовольства среди местного населения.

вопросу, поскольку только они дадут представление об истинных намерениях Пруссии и искренности ее желания достичь дружеского согласия.

АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия МИД. Оп. 469. 1850. Д. 136. Л. 429–430 об.

Документ № 4

К.В. НЕССЕЛЬРОДЕ – П.К. МЕЙЕНДОРФУ (депеша) № 518. Санкт-Петербург, 29 ноября (11 декабря) 1850 г.⁴⁵

Утром 22 ноября я получил от Вашего превосходительства две экспедиции, датированные 27 (15) и 29 (17) числом того же месяца. Последняя, отправленная из Ольмюца, сообщает о результатах переговоров, которые князь Шварценберг провел в этом городе с господином фон Мантейфелем. Она дошла до меня в тот самый момент, когда императорский кабинет, едва получив информацию, что австрийская декларация от 8/20 ноября была холодно встречена в Берлине⁴⁶, считал себя призванным выполнить предполагаемые решения, о которых он озаботился уведомить Пруссию на случай, если она не откажется от своих несправедливых притязаний⁴⁷. Поэтому Вы, Ваше превосходительство, можете оценить, сколь высокое удовлетворение эти известия должны были вызвать у государя. Акт от 29 ноября, заключенный между министрами Австрии и Пруссии, содержит со стороны венского кабинета уступки, которые превосходили наши ожидания. Это как нельзя лучше свидетельствует об умеренности, которой в этот решающий момент руководствовался в своих намерениях Его императорское и королевско-апостольское величество. Наш августейший государь ценит их тем сильнее, что он счастлив найти в них новое свидетельство благородных чувств, воодушевлявших императора Франца Иосифа.

Донесения барона Будберга от 19 ноября (1 декабря) сообщают нам, что Ольмюцкий протокол был ратифицирован королем Пруссии. В дебатах, возникших по этому вопросу, господин Мантейфель смог, вопреки усилиям могущественной партии, которая, по-видимому, хотела войны любой ценой, доказать пользу сохранения мира и преимущества той позиции, которую министр-президент Австрии очень умело подкрепил своей мудрой снисходительностью. Мы можем только поздравить господина Шварценберга с этим счастливым результатом. Устранив опасность казавшегося неминуемым раскола, который мог пойти лишь на пользу революции, он обеспечил кабинету Пруссии возвращение к политической системе, которая позволит ей вновь занять место среди держав – хранительниц порядка и мира. В то же время примирительные распоряжения венского кабинета дают ему новые и справедливые основания поддержки со стороны императорского кабинета⁴⁸ в объяснениях, которые может повлечь выполнение мер, согласованных в Ольмюце. Среди этих мер взаимное разоружение является первоочередной. По условиям секретной статьи, инициативу в этом вопросе должна была взять на себя Пруссия. Нам не терпится узнать ее решение, потому что открытие министерской конференции в Дрездене должно состояться примерно 3 (15) декабря, а разоружение должно произойти до этого времени.

Что касается голштейнского вопроса, то сотрудничество Пруссии, надо полагать, положит конец трудностям, возникшим из-за противодействия герцога Брауншвейгского

⁴⁵ Помимо отпуска, в деле присутствует черновик (Л. 331–334) со стилистической редактурой и пять копий (Л. 335–336 об., 337–338 об., 339–340 об., 341–342 об., 343–344 об.) без пометок. Перевод указан по отпуску.

⁴⁶ В заявлении от 20 ноября 1850 г. Шварценберг подчеркивал законность союзной интервенции и гарантировал, что она ни в коем случае не направлена против Пруссии и ее союзников и что все их суверенные права будут неукоснительно соблюдены.

⁴⁷ Речь идет о неотправленном официальном письме Николая I королю Пруссии от 21 ноября (3 декабря), в котором в резкой форме говорится о неизбежности войны с Россией в случае сохранения Берлином прежнего курса. См.: АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия МИД. Оп. 469. 1850. Д. 111. Л. 319–322.

⁴⁸ Вероятно, Нессельроде ссылается на отправленное в Вену накануне Ольмюцкой встречи предупреждение, что в случае чрезмерных требований к Пруссии Австрия также может лишиться российской поддержки.

проходу федеральных войск⁴⁹. Но, с другой стороны, если учесть симпатию к герцогствам, которая с начала войны против Дании преобладала в берлинском кабинете, а также малое усердие, которое он все это время проявлял к выполнению наложенных на него условий, есть основание опасаться, не повлияют ли те же настроения на шаги, которые нужно предпринять в отношении штатгальтерства⁵⁰. Ваше Превосходительство имели возможность судить об этих наклонностях прусского правительства. С другой стороны, Ваше Превосходительство не игнорирует и ту обеспокоенность, которую императорский кабинет продолжает проявлять в датском вопросе. Поэтому у Вас не может быть недостатка в аргументах, чтобы убедить князя Шварценберга не упускать из виду этот вопрос и, прежде всего, не допустить, чтобы интересы и права законного правителя герцогств еще дольше приносились в жертву тенденциям и теориям, которые так дорого обошлись Пруссии и всей Германии. Поскольку именно датский вопрос вынудил императора прибегнуть к военной риторике в отношении Пруссии, Его Величество твердо решил сохранять эту позицию до тех пор, пока он не будет полностью спокоен в отношении намерений, с которыми берлинский кабинет примет участие в интервенции в Гольштейн.

Я прошу Ваше Превосходительство известить об этом австрийское правительство. Уверенность в поддержке России в случае необходимости позволит ему продвигать выполнение мирного договора со всей необходимой энергией.

Вы можете изложить эту депешу князю Шварценбергу и даже вручить ее ему, если министр-президент выразит Вам желание показать ее императору⁵¹.

АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия МИД. Оп. 469. 1850. Д. 137. Л. 326–330.

Документ № 5

К.В. НЕССЕЛЬРОДЕ – П.К. МЕЙЕНДОРФУ (шифрованная депеша) № 519⁵².

Санкт-Петербург, 29 ноября (11 декабря) 1850 г.

Моя предыдущая депеша предназначалась для прочтения князю Шварценбергу. Здесь же я сохранил за собой возможность сообщить Вашему Превосходительству, сколь высокой похвалы наш августейший государь удостоил ту важнейшую роль, которую Вы сыграли в исходе переговоров в Ольмюце. Мы не считаем, что ошибаемся, господин барон, приписывая прежде всего Вашему примирительному вмешательству почти неожиданный исход этой встречи. Император не менее одобрил сильный и правдивый слог, который Вы использовали в своем письме господину Нибуру⁵³. Будем надеяться, что содержащиеся в нем полезные советы не пропадут даром.

К важным услугам, которые Ваше Превосходительство только что оказали, я уверен, Вы добавите и другие на новом этапе, в который вступает гольштейнский вопрос благодаря содействию Пруссии в умиротворении этой страны.

⁴⁹ Отказ герцога Брауншвейга 19 ноября пропустить войска бундстага в Гольштейн был официально одобрен Пруссией, что привело к еще большей эскалации кризиса накануне Ольмюца.

⁵⁰ Штатгальтерство – в 1849–1851 гг. временный революционный орган управления Шлезвигом и Гольштейном (с августа 1849 г. – только Гольштейном), созданный по инициативе правительства эрцгерцога Иоганна и состоящий из двух штатгальтеров: В.Г. Безелера и графа Ф. фон Ревентлова, которые противились возвращению княжеств в состав Дании. В январе-феврале 1851 г. был упразднен, передав полномочия австрийскому и прусскому комиссарам.

⁵¹ Последний абзац добавлен карандашом, в черновике он отсутствует.

⁵² В папке документа содержится отпуск (Л. 347–348), черновик (Л. 351–352) и размеченная для шифровки копия (Л. 349–350). На отпуске, несмотря на утверждение Николаем I, имеются правки карандашом, в частности немного изменено начало депешы. Перевод выверен по копии для шифрования как наиболее завершенной.

⁵³ Письмо П.К. Мейендорфа М. Нибуру от 24 (12) ноября 1850 г., не опубликовано. Копию письма см.: АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия МИД. Оп. 469. 1850. Д. 136. Л. 387–391 об. В этом письме Мейендорф представил конфликт как результат политики прусского министра Й.М. фон Радовица и предостерегал Пруссию от эскалации пагубной для Германии и Европы войны. То, что речь идет именно об этом письме, подтверждается пометкой на его копии, сделанной Николаем I, и начинающейся со слов: «Ответ Мейендорфа – шедевр».

Не миритесь с тем, чтобы князь Шварценберг пренебрегал этим вопросом ради спасения союзной интервенции в Гессене. Император честно поддерживал Австрию в гессенском вопросе. Но ситуация с Гольштейном теснее затрагивает Россию, и Его Величеству хотелось бы верить, что Его справедливое ожидание увидеть этот вопрос решенным в соответствии с правами Дании, не будет обмануто. Вашему Превосходительству невозможно переоценить значение этого пункта.

АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия МИД. Оп. 469. 1850. Д. 137. Л. 347–348.

Библиография / References

Долгопольская-Кершнер С.А. Австро-прусская борьба за гегемонию в Германии в 1848–1850 гг. и позиция русского царизма: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1956.

Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. VIII. Трактаты с Германией. СПб., 1888.

Мухеев М.Г. Германская политика Австрии летом–осенью 1850 года и позиция России // Клио. 2022. № 11 (191). С. 45–57.

Dolgopolskaia-Kershner S.A. Avstro-prusskaia bor'ba za gegemoniiu v Germanii v 1848–1850 gg. i pozitsiia russkogo tsarizma [Austro-Prussian struggle for the leadership in Germany in 1848–1850 and position of the Russian tsarism]: dis. ... kand. ist. nauk. Leningrad, 1956. (In Russ.)

Martens F.F. Sbornie traktatov i konvencij, zaključennykh Rossiei s inostrannymi derzhavami [Collection of treaties and conventions which Russia concluded with foreign powers]. Vol. VIII. Traktaty s Germaniej [Treaties with Germany]. Sankt-Peterburg, 1888. (In Russ.)

Mikheev M.G. Germanskaia politika Avstrii letom-osen'iu 1850 goda i pozitsiia Rossii [Austria's German policy in summer-autumn 1850 and Russia's stance] // Klio. 2022. № 11 (191). S. 45–57. (In Russ.)

Andreas W. Die russische Diplomatie und die Politik Friedrich Wilhelms IV. von Preussen. Berlin, 1927. Aus den Briefen des Grafen Prokesch von Osten k.u.k. österr. Botschafters und Feldzeugmeisters (1849–1855) / Hrsg. von A. Graf Prokesch v. Osten. Wien, 1896.

Frischbier W. “Die Schmach von Olmütz” — Mythos und Wirklichkeit // Forschungen zur Brandenburgischen und Preußischen Geschichte. Bd. 25. Neue Folge. 2015. S. 53–81.

Gerlach L. von. Denkwürdigkeiten aus dem Leben Leopold von Gerlachs, Generals der Infanterie und General-Adjutanten König Friedrich Wilhelms IV. Bd. 1. Berlin, 1891.

Hoffmann J. Russland und die Olmützer Punktation vom 29. November 1850 // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1959. Bd. 7. S. 59–71.

Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode. 1760–1856. Publié par le comte A. de Nesselrode. T. 10. 1850–1853. Paris, 1911.

Lippert S. Felix Fürst zu Schwarzenberg. Eine politische Biographie. Stuttgart, 1998.

Luchterhandt M. Österreich-Ungarn und die preußische Unionspolitik // Die Erfurter Union und das Erfurter Unionsparlament 1850 / Hrsg. von G. Mai. Köln, 2000.

Peter von Meyendorff. Ein russischer Diplomat an den Höfen von Berlin und Wien / Hrsg. von O. Hoetzsch. Bd. II. Berlin; Leipzig, 1923.

Schulz M. Normen und Praxis. Das Europäische Konzert der Großmächte als Sicherheitsrat 1815–1860. München, 2009.

Sondhaus L. Schwarzenberg, Austria and the German question, 1848–1851 // The International History Review. 1991. Vol. 13. № 1. P. 1–20.